

**АВСТРАЛИЯ – СССР в 1940-е годы:
ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ
Часть 1. Военные угрозы и дипломатия**

1940-е годы вошли в историю человечества, прежде всего, как время величайшей трагедии – Второй мировой войны. Все-возможные, порой даже незначительные нюансы событий тех лет неизменно привлекают внимание исследователей и широкой общественности. Однако в отечественной историографии взаимоотношения СССР и далекой Австралии на фоне ожесточенных сражений и масштабных дипломатических ухищрений ведущих держав мира оставались, как правило, в тени. Даже в работах советских специалистов по внешней политике Австралийского Союза (АС) им уделялось весьма скромное место¹. Между тем это десятилетие во многом определило дальнейшее развитие отношений двух наций. Проанализировать, как они складывались, почему принимали тот или иной оборот и к чему привели, представляется весьма интересным и поучительным. Тем более, учитывая тот факт, что на протяжении с 1941 по 1949 г. у власти в АС находилась Австралийская Лейбористская партия (АЛП), большинство членов которой всегда весьма благожелательно относились к Советскому Союзу.

Мы подчеркиваем этот факт потому, что имидж нашей страны далеко не всегда благоприятствовал симпатиям к ней у жителей Южного континента. Дореволюционная Россия в умах многих австралийцев ассоциировалась с самодержавием и погромами². Российская республика унаследовала от империи еще и репутацию государства, охотно готового вмешаться в дела сопредельных и отдаленных стран³. Такое восприятие определялось и историческими реалиями, и близостью внешнеполитических курсов АС и Великобритании, у которой с Россией издавна сложились неоднозначные отношения «союзника-соперника». Послеоктябрьские изменения в нашей стране, усилившиеся в ней в 1920–1930-х гг. черты тоталитаризма, дея-

тельность Коминтерна по распространению идей и практики мировой революции и установления всюду диктатуры пролетариата⁴ никак не способствовали росту популярности СССР в глазах большинства австралийских политиков, не без основания гордившихся глубокими традициями демократии в своей стране⁵. Все эти факторы сказались на очень медленном процессе налаживания консульских и дипломатических контактов между государствами. Так, в 1918–1921 гг. остались без ответа призывы к сотрудничеству консула РСФСР в АС П. Симонова, который не был признан австралийским правительством; во время переговоров об учреждении торгпредства СССР в Австралии в 1920-х гг. неременным условием к советской стороне выдвигалось требование принять «обязательство воздерживаться от пропаганды»⁶. Только в 1930 г. после восстановления дипломатических отношений между СССР и Великобританией австралийское правительство дало согласие на назначение в АС советского консула. В 1937 г., в рамках общей борьбы с угрозой фашизма и японского милитаризма, наметилось слабое сближение позиций СССР и Австралии по вопросу о возможности заключения пакта о взаимопомощи в АТР на переговорах, которые вели через советского посла в Лондоне И.М. Майского тогдашний наркоминдел М.М. Литвинов и премьер-министр АС Дж. Лайонс⁷. Вплоть до середины 1939 г. австралийские политики подчеркивали «относительную слабость блока противодействия агрессии без участия в нем России» и поддерживали «действия Соединенного Королевства по сохранению максимального объема сотрудничества с Россией в европейской сфере, ни на минуту не забывая о японском факторе»⁸. Одновременно они допускали и то, что «СССР ведет себя подозрительно и просто заманивает Соединенное Королевство в ловушку». С этим мирило предположение, что «если, с другой стороны, СССР предаст нас, общественное мнение будет консолидировано и повлечет за собой больше симпатии и поддержки» правительству АС⁹.

Впрочем, и этому потеплению был отмерен недолгий срок: договор о ненападении между СССР и Германией 1939 г. похоронил все упования на возможность участия Москвы в создании антифашистского блока и стал для австралийцев «столь

же серьезным, сколь и неожиданным ... большим сюрпризом». До последнего момента всех вводили в заблуждение как сен-тенции Гитлера в «Майн кампф», где большевизм объявлялся главным врагом германской нации, так и затягивавшиеся англо-советские переговоры о сотрудничестве. Правительство Р. Мензиса было застигнуто врасплох. Премьер-министр в сентябре 1939 г. писал своему представителю в Лондоне С.М. Брюсу: «Честно говоря, меня совсем не впечатляют последние шаги британской дипломатии. Мы выглядели как толпа дураков после русского пакта с Германией. Того, что британские эксперты на полном серьезе совещались с русскими в одной комнате, в то время, как папаша Сталин и фон Папен надули их в соседней, вполне достаточно, чтобы заставить всех смеяться над нами»¹⁰. Впрочем, тотчас же стало ясно, чем грозит такой поворот событий – это был «удар по надеждам на мир». «Европа стоит на пороге войны», – констатировала одна из самых влиятельных газет страны «Сидней Морнинг Геральд» и опубликовала основные статьи пакта о ненападении и отрывки из интервью Риббентропа в Москве, где Германия и СССР объявлялись дружественными державами. Мельбурнская «Эйдж» расценила это как еще один «из серии удивительных успехов Гитлера»¹¹. Уже 24 августа 1939 г. Р. Мензис подтвердил решимость своего правительства поддержать Великобританию в случае начала военных действий, которые не заставили себя ждать.

Развязанная вслед за нападением Германии на Польшу война СССР против Финляндии тесно увязывалась в сознании австралийцев с пактом Молотова-Риббентропа. В своем заявлении в палате представителей 19 апреля 1940 г. министр иностранных дел Австралии Дж. Макьюэн отметил: «Весь цивилизованный мир осудил неспровоцированное нападение русских на Финляндию... Нельзя сказать, является ли собой захват Финляндии окончательную плату, которую Советы получили от Германии в обмен на соглашение между Берлином и Москвой в августе 1939 г.»¹². Тем не менее, позиции австралийских дипломатов относительно СССР отличались умеренностью и взвешенностью. Вслед за Лондоном они считали необходимым «сохранить британского и французского послов в Москве с

возможностью прямых контактов с Молотовым, когда советско-германская дружба начнет иссякать». Они рассчитывали на то, что «хотя Германия и Россия теперь делят территорию Польши, тем не менее, они могут и поспорить по поводу этого дележа»¹³. Как иной вариант, в конце сентября 1939 г. правительства Великобритании и АС вполне серьезно рассматривали вопрос о том, что следует предпринять в случае, если СССР вступит в войну на стороне Германии.

Особенно беспокоила австралийских государственных деятелей явная схожесть ряда черт коммунистического режима в России с германским нацизмом и итальянским фашизмом. В свете этого пакт 1939 г. расценивался как союз двух диктаторов, а любое проявление симпатии к СССР рассматривалось большинством либералов и аграриев как прямое пособничество агрессорам и предательство интересов АС¹⁴. Особой критике подверглась Коммунистическая партия Австралии (КПА), по призыву Коминтерна объявившая начавшуюся мировую войну империалистической и призывавшая к бойкоту военной политики правительства. На этом основании представители правых партий требовали запрета КПА, объявления ее деятельности вне закона и привлечения к суду активных проводников ее политики. При открытии второй сессии парламента в 1940 г. генерал-губернатор АС подчеркнул, что лидеры компартии «планируют свержение конституционного правительства, нацелив свою деятельность на поражение их собственной страны в войне, в которую та втянута»¹⁵. Учитывая все эти факторы, резко ухудшилось отношение к существовавшим в Австралии обществам дружбы с СССР. В 1940 г. был подвергнут цензуре и фактически запрещен журнал общества Австралийских друзей Советского Союза «Советс Тудей». Но в целом позиция либерального правительства Р. Мензиса была достаточно уклончивой: на все призывы разгромить коммунистов как предателей премьер-министр неоднократно ссылался на недостаток информации и обещал позднее сделать соответствующее заявление¹⁶. Он провел запрещение деятельности КПА только после начала войны.

Не меньшее беспокойство австралийского общества вызывал и рост профашистских настроений. В пособничестве фа-

шизму обвинялись не только коммунисты, но и деятели правящей коалиции (в их число попал и Р. Мензис, в 1937 г. посетивший Германию и не увидевший тогда военной угрозы с ее стороны), и даже высшие военные чины страны. К ним причисляли и деятелей возникшей в 1930-х гг. организации «Новая гвардия» во главе с Э. Кэмпбеллом, который, к слову сказать, после визита в Берлин остался не в восторге от Гитлера¹⁷. Справедливости ради следует отметить, что и видные руководители АЛП не сразу пришли к выводу об опасности фашистского режима; так даже в апреле 1940 г. лидер лейбористов Дж. Кертин высказался совсем в духе выступлений В.М. Молотова: «Нам совсем необязательно уничтожать то, что зовется "гитлеризмом" в Германии... мы считаем, что народу принадлежит право определять, какой формы правления ему придерживаться»¹⁸. Впрочем, действия гитлеровцев в оккупированной ими части Европы и быстрое расширение агрессии отрезвили австралийских политиков: в июне 1941 г. сенатор из Южной Австралии А.Дж. Маклахлан потребовал усиления антинацистской пропаганды, которая, по его словам, «лучше, чем что-либо другое, сплотит наш народ, ибо живо опишет жестокость варварства и садизма, против которых восстает натура британца»¹⁹.

Все эти перипетии внутривластной ситуации тесно увязывались с той ролью, которую на мировой арене играли СССР и Германия. До 22 июня 1941 г. в глазах большинства австралийцев наша страна была союзницей безоговорочно злейшего врага демократии – Гитлера. Однако положение резко изменилось с момента нападения нацистов на СССР: 24 июня 1941 г. Р. Мензис поддержал заявление главы британского правительства У. Черчилля о поддержке нашей страны и решимости «уничтожить Гитлера и любые признаки нацистского режима». Но присоединяясь к союзу, он подчеркнул: «Я хочу заявить со всей ясностью, что когда какая-либо британская страна... приветствует любую помощь России для разгрома германской военной мощи, это не равносильно тому, что мы идентифицируем наши политические взгляды с точкой зрения России». Оппозиция поддержала Мензиса, несколько смягчив формулировки. Дж. Кертин отметил: «Лейбористская партия

верит в право народов управлять своей жизнью и выбирать свой стиль жизни. Мы признаем это право за Россией. Мы признаем это право за Германией, и только потому, что мы требуем его и для себя, а Германия лишает нас этого, мы сейчас и воюем с Германией»²⁰. И несмотря на сохранявшуюся диаметрально противоположность философских основ мировоззрения, государственных и политических систем СССР и Австралии, все споры вокруг этого на время совместной борьбы с фашизмом были отложены. Более того, публикация в прессе писем читателей с критикой нового союзника вызвала резкий протест в австралийском парламенте: лейборист из Нового Южного Уэльса Э.Дж. Уорд заявил: «Это правда, что русские не рассматриваются некоторыми как наши союзники в общепринятом смысле этого слова. Но правда и то, что силы России находятся в смертельной схватке с германскими армиями, и правительство не должно позволять владельцам каких-либо газет публиковать письма, составленные в столь оскорбительных выражениях по отношению к России»²¹.

По словам известной общественной деятельницы АС Дж. Стрит, «нападение... нацистов на СССР заставило всех понять правду. Это относилось также и к большинству газет, круто изменивших свою ориентацию. У каждого вырвался глубокий вздох облегчения, когда он понял, что СССР – эта великая страна – выступает заодно с нами». Неутомимая Стрит возглавила движение в поддержку СССР в его борьбе с гитлеровской Германией. Ее авторитет в правящих кругах страны позволял собирать немалые суммы для закупки всего необходимого для отправки в воюющую Россию²². По инициативе Общества австрало-советской дружбы, которое она возглавляла в течение последующих 25 лет, в 1941 г. в Сиднее прошел Конгресс дружбы Австралии и СССР. Закончились гонения на КПА. В 1941 г. сложная ситуация на фронтах выдвинула на первый план вопрос о тактической целесообразности раздувать кампанию «охоты за ведьмами». По словам лейбориста Дж. Чифли, «такая политика повела бы к серьезным злоупотреблениям властью и породила бы крупные промышленные конфликты, ибо власть могла бы быть использована, как это уже случилось в прошлом, для преследования людей только за то, что они не

разделяли взглядов стоящего у власти правительства». К его позиции присоединился и М. Блэкберн из Виктории²³.

Начавшемуся в Австралии повороту в сторону СССР способствовали два основных фактора. Первый – это вступление Советского Союза в антигитлеровскую коалицию и особенно подписание в 1941 г. англо-советского договора о взаимопомощи и сотрудничестве на период борьбы с фашизмом и послевоенные годы. И хотя в конце XX в. союз СССР, Великобритании и США стали вновь называть странным и даже противоестественным, нельзя забывать и о вполне ощутимых выгодах, которые извлекли из него его основные участники. Вторым фактором стал приход к власти в августе 1941 г. АЛП. Тут важно отметить роль нового министра иностранных дел АС Г.В. Эватта, выступавшего за оживление связей с СССР и видевшего сотрудничество с ним в более долгосрочной перспективе не только как с союзником в войне против стран оси Берлин–Токио, но и как с влиятельным соседом в Тихоокеанском регионе.

Для АС в конце 1941 г. главным стимулом к соглашению с СССР стало стремительное расширение японской агрессии на юг, когда возможное вступление нашей страны в войну против Японии рассматривалось как одно из действенных средств предотвращения угрозы безопасности АС. Австралийские дипломаты предлагали запросить Москву о возможности «быстро выступить против Японии и подвергнуть бомбардировке жизненно важные японские объекты из Владивостока и предоставить порядка 100 русских подлодок для нанесения ударов по японскому флоту и торговым судам»²⁴. Ставший в 1941 г. премьер-министром Дж. Кертин был готов предоставить СССР гарантии, что «любая атака Японии на Россию будет встречена силовым противодействием со стороны Британского Содружества вне зависимости от позиции Соединенных Штатов Америки» или, по крайней мере, получит «максимальное сотрудничество этих стран в случае нападения японцев на Советскую Россию».²⁵ АС признавал и право СССР на территориальные приобретения; важность участия русских в борьбе против Японии превышала все другие соображения: «С нашей точки зрения, эти пограничные притязания являются не больше тех, что нам

пришлось признать *de facto* в 1939 и 1940 гг. ...Мы отмечаем в этой связи, что во всех контактах с польским и чехословацким правительствами Соединенное Королевство тщательно воздерживается от предоставления каких-либо гарантий восстановления их полной территориальной целостности, и мы чувствуем, что Финляндия, Румыния и другие не заслуживают какой-либо особой симпатии». Более того, австралийские политики допускали и право СССР на участие в судьбах Дальнего Востока, Северной Кореи, Сахалина, Манчжурии, а также на выход к Индийскому океану через Иран²⁶.

Об этих намерениях АС были проинформированы правительства в Лондоне и в Веллингтоне. Англичане сомневались, готов ли СССР на такой шаг; австралийцы настаивали на договоренностях с Москвой. Черчилль отказался участвовать в этом вопросе, но не возражал, если с таким предложением выступят США. Он не считал нужным отвлекать СССР от европейского фронта и указывал, что в ходе миссии Э. Идена в Москву не удалось договориться о послевоенных территориальных уступках. «Я надеюсь, что вы понимаете, что было бы совершенно невозможным для правительства Его Величества совершать сделку со Сталиным, которая касалась бы насильственной передачи массы населения против их воли в сферу коммунистического влияния», – писал он и ссылаясь на статьи 2 и 3 Атлантической Хартии, которые «ясно запрещают какие-либо акции такого рода с нашей стороны»²⁷. Британское руководство занимало, таким образом, более осторожную позицию относительно судеб послевоенной Европы.

Между тем падение Сингапура в начале 1942 г. сделало ситуацию для Австралии просто угрожающей. Посланник АС в Китае сэр Ф. Эгглстон считал возможность высадки японцев на севере континента весьма реальной. Осознание важности происходящего привело его к выводу, что «Австралия ныне является единственной оставшейся базой в Тихом океане достаточно близкой к реальному театру войны, откуда война на Тихом океане может быть выиграна. Если ее потерять, победа Японии будет неизбежной и окончательной»²⁸. Теперь и Британия признала уязвимость АС: «Австралия незащищена в настоящее время, так как у нас нет достаточных сил, Соединенные Штаты

должны быть главным образом ответственны за укрепление этого района»²⁹. Лондон, самоустранившись, отдал Америке контроль над Тихим океаном.

Данные обстоятельства и ухудшение отношений с Великобританией, неохотно соглашавшейся на возврат в АС его экспедиционных сил, привели в октябре 1941 г. к возобновлению действий австралийского правительства по установлению прямых дипломатических связей с СССР. Этому требовали профсоюзы и общественные организации, настаивавшие на «необходимости представить самую полную материальную и моральную помощь России и поддержать продолжающееся сопротивление русских». Принимались во внимание и «потенциальная важность австрало-советских связей для австралийской экономики» и «общие политические интересы»³⁰. Кроме того, для Г.В. Эватта важно было и определенное сходство, как он считал, в базовых началах: «Австралия и Новая Зеландия имеют лейбористские правительства, которые симпатизируют России; наши социальные системы более прогрессивны и наши экономические системы более эгалитарны, чем в других странах, исключая, возможно, довоенную Швецию»³¹.

Естественно, существовали серьезные опасения, что СССР будет действовать, не оглядываясь на союзников. Да и тяжелое положение на Восточном фронте в 1942 г. порождало страх, что «Россия может потерпеть поражение или заключить сепаратный мир»³². Но эти соображения перевешивало то обстоятельство, что установление дипломатических отношений с СССР станет для Австралии рычагом привлечения его к борьбе против Японии. Так в сентябре 1942 г., Эватт подчеркивал: «Для будущего в районе Тихого океана необходимо, чтобы Австралия всегда находилась в тесных дружественных контактах с Россией. Правительство надеется, что в самом ближайшем будущем эта дружба будет засвидетельствована и укреплена»³³.

Наконец, немалую роль в изменении позиции общества к договоренности между нашими странами сыграл и героизм советских людей на фронтах второй мировой войны – об этом свидетельствуют и многочисленные письма простых австралийцев в миссию СССР в Канберре, полные горячей симпатии к мужеству советских людей, и официальные документы. Так, в

послании от 31 июля 1942 г. на имя А.Я. Вышинского Г. Эватт писал: «Посылая Вам свои личные приветствия, я хочу сказать, что здесь в Австралии мы следим с весьма глубоким вниманием и восхищением за героическим сопротивлением ваших храбрых сынов, и мы не сомневаемся в вашей окончательной победе»³⁴. Результатом длившихся более года переговоров стало опубликованное 13 октября 1942 г. сообщение об установлении дипломатических отношений между СССР и АС и обмен чрезвычайными и полномочными посланниками: СССР представлял А.П. Власов, Австралию – У. Слейтер. Австралийское правительство подчеркивало, что он «один из лидеров австралийского лейбористского движения» и «активно сотрудничает с добровольными организациями, созданными с целью предоставить помощь России, и с рядом русско-австралийских культурных обществ»³⁵.

Деятельность миссий СССР и АС весьма любопытна. Но если об австралийских представителях в Москве имеется фундаментальное исследование австралийского историка из Брисбена Т.Р. Пула³⁶, то работа советской миссии в Канберре менее известна. Ее состав был невелик – порядка 20 человек; некоторые из них были профессиональными дипломатами и имели опыт работы за рубежом, другие получили высшее гуманитарное или техническое образование. Первые главы миссии не составляли исключения: А.П. Власов представлял СССР в Канберре с октября 1942 по июль 1945 г., до перехода в НКИД окончил Московский институт стали и сплавов, где после защиты диссертации преподавал и работал ректором. Его преемник, прибывший сюда в 1945 г. Н.М. Лифанов по окончании Московского института востоковедения работал в Китае, преподавал в МГУ и заведовал дальневосточным отделом НКИД. Первые советские дипломаты произвели в АС очень благоприятное впечатление, и отклики прессы, касавшиеся лично сотрудников миссии и членов их семей, на протяжении почти всех 1940-х гг. оставались весьма дружелюбными³⁷.

Этому в немалой степени способствовали их публичные выступления перед австралийской аудиторией; например, в речи в Мельбурне 8 ноября 1943 г. А.П. Власов обещал: «В этой войне против нашего общего врага мы закладываем основу бо-

лее близких и более плодотворных отношений между Советским Союзом, Великобританией и Америкой в послевоенный период. Позвольте мне выразить уверенность, что дружественные отношения, так успешно установленные между нашими странами, будут так же успешно развиваться в послевоенный период для блага наших народов»³⁸. Мнение многих политических деятелей Австралии о персональных качествах советских дипломатов также было весьма лестное; Н.М. Лифанов был хорошо знаком и переписывался с известным государственным деятелем Австралии У.М. Хьюзом, который интересовался эпохой Петра I и просил прислать ему книги по истории России³⁹. Словом, до середины 1940-х гг. многие склонны были видеть в СССР верного союзника в борьбе с фашизмом и одного из ведущих партнеров в АТР⁴⁰. Сам Эватт – сторонник «дружественных и прямых» отношений с Россией, в своих заявлениях отмечал: «Мы верим, что обмен представителями между Москвой и Канберрой уже дает хорошие результаты и подготавливает путь для более полного развития наших интересов, когда воцарится мир»⁴¹.

Наиболее эффективной частью деятельности советской миссии были активные контакты с обществами австрало-советской дружбы, которых в годы войны появилось невиданное до той поры множество: Лиги дружбы с Россией, Друзья Советского Союза, Комитет медицинской помощи русским и многие другие. Их отделения существовали почти во всех крупных городах АС; среди их учредителей и руководителей можно было найти государственных и политических деятелей, священников, ученых, представителей бизнеса, профсоюзов, АЛП. Наиболее распространенными формами деятельности этих объединений являлись проведение вечеров дружбы с СССР, демонстрация советских художественных и документальных фильмов, организация митингов солидарности и празднование советских праздников, сбор средств в фонд помощи России, проведение фото- и художественных выставок о жизни и борьбе советских людей, издание журналов, где публиковались материалы об СССР. В сентябре 1944 г. в Мельбурне был открыт Австрало-Советский дом, где к услугам посетителей были библиотека и кинозал, шла пропаганда знаний

об СССР, читались лекции и проводились собрания. Во время празднования годовщины Октябрьской революции в 1943 г. в г. Перт были собраны пожертвования в сумме 61 ф. ст. и принята приветственная резолюция с обещанием «неустанно работать для скорейшей победы над фашизмом и сцементировать дружественные отношения между Австралией и Советским Союзом». В Мельбурне в те дни был проведен Конгресс дружбы с СССР: в работе его 12 комиссий участвовали 800 чел.; в резолюции подчеркивалось, что «Конгресс принес более глубокое понимание советской жизни, культуры и заложил основу для более тесного сотрудничества между нашими народами для достижения победы и в послевоенные годы»⁴². Помимо пропагандистских мероприятий члены этих обществ оказывали народам СССР и более ощутимую помощь: женские организации Австралии, представительницей которых выступала Дж. Стрит, проводили кампании под лозунгами «Овечьи шкуры для России» и «Медицинская помощь России». Докеры Порт Кемблы в 1941 г. всю свою зарплату от загрузки советского судна «Минск» передали на закупку овчины для СССР⁴³. В первые послевоенные годы, несмотря на все сложности, члены Русского Общественного Клуба в Сиднее отправили в детский дом №1 г. Смоленска в помощь детям-сиротам войны 13 ящиков с обувью, инструментами и другими вещами. Русское общество в Мельбурне выслало 5 ящиков с медикаментами для детской больницы им. Рауха в Ленинграде; на собранные среди членов русской колонии Мельбурна 138 ф. ст. были закуплены витамины для советских детей⁴⁴. Это был действенный вклад граждан Австралии и в нашу общую победу, и в послевоенное – в прямом и переносном смысле – залечивание ран войны.

Для официальной советской стороны чрезвычайно важна была пропагандистская работа. На страницах издававшегося в Сиднее хорошо иллюстрированного журнала «Россия и мы» помещались статьи советских, британских и австралийских авторов, освещавшие различные стороны жизни нашей страны полностью в духе сталинской прямолинейной рекламы достижений социализма. Подчеркивался высокий уровень жизни людей, широко отмечались годовщины Октябрьской революции и дни рождения И.В.Сталина, а информация о сбежавших

из СССР советских гражданах трактовалась как происки буржуазной пропаганды, искажавшие советскую действительность. Ибо главной задачей журнала и его издателя – Австрало-Советского Общества, провозглашалось стремление «способствовать гармонии отношений между Россией и нами». Для чего, например, публиковались свидетельства английского юриста Д.Н. Притта о том, что политические процессы 1930-х гг. были «справедливыми и оправданными»⁴⁵. И хотя в конце 1940-х гг. вряд ли это, равно как и панегирики гуманности лагерей системы ГУЛАГа, звучали убедительно, на определенные круги австралийского общества (главным образом, на придерживавшуюся леволиберальных взглядов интеллигенцию) такой прием возымел свое действие. Никак не хотела верить в существование репрессий Дж. Стрит, видевшая в публикациях материалов о них лишь антисоветскую пропаганду. Искренние поздравления по случаю отмены смертной казни в СССР и надежду, что это решение будет распространено и на политические дела, выразили в письме в Верховный Совет СССР деятели австралийского отделения Говардовской Лиги реформ тюремного заключения. В глазах детей из школы г. Пембертон маршал Сталин стал воплощением советского народа: в 1944 г. в своем письме они благодарили за присланный им советской миссией его портрет, который собирались повесить в Зале Славы у себя в школе⁴⁶.

Однако уже тогда в Австралии находились люди, сомневавшиеся в благородстве целей обществ дружбы с СССР и требовавшие тщательной проверки их деятельности. Так, в 1944 г. в миссию СССР пришло письмо, автор которого отрицал необходимость помощи русским, ибо «все факты истории России за последние 20 лет – это ложь, и мы не знаем правды о наших добрых русских товарищах», и высказывал подозрения относительно честности активистов движения помощи СССР в Австралии⁴⁷. Настроения подобного рода возникали и в политических кругах, и общества дружбы с СССР находились под постоянным контролем австралийских властей. Так, в мае 1945 г. официальному расследованию во всех штатах, кроме Виктории, подверглись организаторы кампании по сбору медицинской помощи для России: определялись способы сбора средств, про-

верялась финансовая документация; но ничего криминального обнаружено не было⁴⁸.

Таким настроениям, приведшим в конце 1940-х гг. к изменению отношения австралийцев к сотрудничеству с нашей страной, способствовала еще одна причина – выявление спецслужбами АС разведывательной деятельности ряда сотрудников советской миссии.⁴⁹ Эта сторона их работы, несомненно, играла негативную роль в развитии двусторонних отношений, но подробный анализ этого сюжета не входит в задачу данной статьи. Здесь уместнее отметить, что не стоит и проводить границу «холодной войны» в 1946 г.: еще в 1943 г. становилось ясно, что СССР по-прежнему «остро подозрительно относится к западным странам и боится, что его исключат из послевоенной системы взаимного признания прав и обычаев разными государствами» ... «В этой атмосфере мы можем ожидать только постепенного ухудшения отношения между Советами, британцами и американцами», – провидчески писал австралийский дипломат С.М. Брюс.

Не способствовало улучшению советско-австралийских связей и решение АС взять на себя посреднические функции в контактах СССР с польским кабинетом министров в изгнании. Ухудшение советско-польских отношений весной 1943 г. наступило после того, как немцы опубликовали детали захоронений в Катыни, обвинив советские власти в убийстве там в 1939 г. 4600 польских военных. Польская сторона потребовала международного расследования, а в СССР ее шаг объявили недружественным и разорвали дипломатические отношения с находящимся в Лондоне польским правительством. Австралийцы сочли поведение поляков «в высшей степени неблагоприятным», и все великие державы ради сохранения союзнических связей предпочли огульно обвинить во всем немецкую пропаганду, стремящуюся вбить клин в ряды союзников⁵⁰.

В сложившейся ситуации вопрос о представительстве польских интересов в СССР стал очень острым, и британцы решили переложить его на доминионы – АС и Канаду. С.М. Брюс в этой связи отмечал, что защита Польши может привести к последствиям, которые «будут губительными для будущего англо-советских отношений», но посредническая миссия АС и

Канады «поможет оказать воздействие на поляков и привнесет большую долю реализма в решение этой проблемы»⁵¹. Соглашаясь на роль посредника, Дж. Кертин понимал, что «малые державы в Европе будут расценивать свое будущее как безнадежный конфликт: в случае победы Германии они будут затоплены нацизмом или в случае поражения Германии они будут подавлены большевизмом». Вместе с тем он видел в этой миссии способ «поднять наш статус и влияние», а также сохранить единство союзников⁵². В тексте обращения к руководству СССР, переданного через Молотова, отмечалось: «Предложение Австралии делается исключительно с желанием продвигать общие интересы Объединенных Наций и вдохновляется восхищением перед народами Советской России и Польши в равной степени»⁵³. Австралийские дипломаты понимали, что на деле, за фасадом бумажных реверансов, задача будет не из легких. Временный поверенный в делах АС Ф.К. Оффисер писал из Куйбышева в Канберру, что «такого рода защита была бы причиной, порождающей постоянные трения с советскими властями. Миссия, конечно, приложит все усилия, чтобы избежать этих трений и предотвратить это, если произойдет что-либо, ухудшающее наши общие отношения». Он известил свое руководство о большом объеме работ по оформлению паспортов и предоставлению помощи полякам на территории СССР и просил прислать специалистов со знанием польского языка⁵⁴.

Кадровый дипломат оказался прав. Трудности возникали даже по вопросу об обнародовании решения о передаче АС полномочий представлять интересы Польши в СССР: общее коммюнике по этому вопросу было опубликовано только в начале июля, хотя решение было принято в мае. Споры шли практически по всем вопросам. Надо сказать, официальные лица АС склонны были соглашаться с Москвой чаще, чем с их подопечными. Сам Эватт не был искренним защитником Польши: «Суть ситуации в необходимости действовать в высшей степени благоразумно и избегать проблем с СССР. Главная обязанность нашей миссии – поддерживать хорошие отношения с СССР. Обязанность соблюдать польские интересы, хотя и очень важна, является второстепенной»⁵⁵. В вопросе о том, кому уступать, АС четко сформулировал свою позицию: «Поля-

кам следует выучить урок реализма, который чехи уже усвоили, а именно, что их судьба неизбежна как государства в советской сфере влияния»⁵⁶. Так в угоду идее послевоенного сотрудничества великих держав, как и в канун Второй мировой, в жертву вновь приносились судьбы малых народов и стран.

Следует отметить, что все действия австралийцев в Москве тщательно контролировались на уровне глав правительств Великобритании и США. Эватт писал Кертину: «Черчилль, кажется, жаждет, чтобы мы наблюдали за польскими интересами с точки зрения проведения наших главных целей... Он сказал, что это может осуществляться с полного согласия его лично и Президента»⁵⁷. То есть, ни о какой самостоятельности в этом вопросе речи и не шло: АС выступал лишь как прикрытие согласованного курса союзников. Австралийские политики всеми силами стремились сохранить послевоенное англо-американо-советское сотрудничество, в котором видели залог сохранения баланса сил в мире: «Если такого сотрудничества не будет, Россия будет доминировать во всей Восточной и Юго-Восточной Европе – все будет управляться страхом; санитарный кордон против России будет восстановлен; Америка, недовольная позицией Европы, постепенно уйдет в сторону, как она делала прежде. С уходом Америки положение доминионов будет проблематичным. Надо что-то делать для предотвращения развития такого положения», – излагал свои соображения Брюс. Единственным выходом для него было «сохранить позиции России в системе взаимного признания прав и обычаев разными государствами»⁵⁸. Но не все британские политики были согласны с этим.

Тем более, что и Москва далеко не всегда шла навстречу пожеланиям союзников. Так, в феврале 1943 г. У. Слейтер встретился с В.М. Молотовым и просил разрешения прислать в СССР австралийскую военную миссию, которая могла бы посетить различные участки фронта, встретиться с советскими штабными офицерами для ознакомления с общими вопросами советской стратегии и тактики, посетить тренировочные армейские лагеря и т.п. В ответ Молотов дипломатично дал понять, что нужды в отдельной военной миссии АС нет, так как эти функции уже осуществляет британская военная миссия, а все

воинские части АС сражаются под общим британским командованием⁵⁹. Еще более серьезная ситуация сложилась в 1944 г., когда Красная армия не оказала поддержки восставшей Варшаве. По мнению министра иностранных дел АС, «действия Советского правительства порождают порой реальные затруднения». Вместе с тем, Эватт не склонен был слишком драматизировать положение: «Мне приходит в голову, что неразумно придавать слишком много значения тому, что в конечном итоге является относительно малыми предметами в военной ситуации, которая развивается самым драматическим образом и благоприятно»⁶⁰. Брюс полностью согласился с оценкой босса, хотя отметил, что «есть, однако, другие и в Форин Оффис, и в правительстве Соединенного Королевства, которые недостаточно ясно понимают первостепенную необходимость сотрудничества с СССР, и те, которые слишком склонны к эксплуатации любого тривиального инцидента». Относительно Варшавы он выражал большее беспокойство, видя в этом ясное стремление советских властей предоставить немцам возможность потопить польское восстание в крови. Но Брюс тоже оправдывал действия Советов тем, что поляки не только не согласовали свое выступление с СССР, но и выдвинули лозунги борьбы за «польский Вильно» и «польский Львов», что и разозлило русских. «Ситуация прискорбная, но если обращаться осторожно, я полагаю, может быть разрешена», – резюмировал он⁶¹. Думается, что по окончании войны и признании Польского временного правительства национального единства австралийские власти в октябре 1945 г. с чувством облегчения передали в ведение польских дипломатов все дела, которые АС осуществлял в качестве посредника между Польшей с СССР, в том числе финансовые отчеты и документы консульской службы.

Уже в начале 1943 г. дипломаты АС, в частности, тот же Брюс задумывались о будущем послевоенного мира и места АС в нем, видя своими главными задачами «сохранение единства Британской Империи» и создание «наиболее высоких из достижимых стандартов экономического и социального благополучия наших народов». При планировании первых послевоенных лет он считал возможным «исключить Германию, Италию и Японию из наших расчетов». Основными игроками в ООН в

этот период объявлялись «мы сами, Соединенные Штаты Америки, СССР и Китай». В регионе Дальнего Востока и Тихого океана главной зоной интересов АС провозглашались страны ЮВА, а также контроль над Суэцким каналом и нефтяными запасами Ирана и Ирака. «После войны Россия будет чрезвычайно сильна. При распаде международного сотрудничества вполне возможно, что она... может потребовать выхода для нее в Персидский залив. Если это произойдет, это будет означать полное доминирование России над Ираном и Ираком с их нефтяными поставками... Такие действия России будут противоречить нашим интересам, и было бы весьма важным с нашей стороны воспрепятствовать этому»⁶².

Вполне справедливо опасаясь роста коммунистического влияния в Европе и возможности нового противостояния, он видел выход в расширении международного экономического сотрудничества, но признавал, что «реализация нашей цели расширения мировой экономики путем международного сотрудничества зависит от международной безопасности и устранения угрозы агрессии». Поэтому из всех взаимосвязанных проблем послевоенного мира Брюс выделял «в первую очередь вопрос о национальной безопасности». В эту систему он включал и СССР, понимая, что Москва предпримет все возможное по установлению своего доминирования в Восточной и Юго-Восточной Европе вплоть до «советизации Балкан». Это в свою очередь «создаст положение в Европе даже хуже того, что существовало до войны и разрушит все наши надежды на послевоенный мир». Поэтому единственный выход – такой «подход к русским в деле сотрудничества в сфере послевоенной безопасности, где позиции и важность России будут полностью признаны»⁶³.

В АС эти позиции разделяли многие, и, несмотря на сложности войны, продолжавшейся для Южного континента до капитуляции Японии, разгром германского фашизма был воспринят там с большим энтузиазмом. В палате представителей 8 мая 1945 г. один из лидеров АЛП Дж. Чифли подчеркнул признательность австралийцев всем державам-союзницам, в том числе и СССР; лидеры оппозиции полностью поддержали его. В послании Сталину он писал: «Правительство и народ Ав-

стралии радуются вместе с Вами известию о том, что вооруженные силы Объединенных Наций победили в Европе. Австралия всегда будет помнить с искренним восхищением и благодарностью доблесть Ваших славных армий, особенно в те критические дни, когда само существование нашей Нации было в опасности. Мы верим, что за страданиями и трудностями, которые война принесла Вашему народу, последует длительная эра счастья и процветания»⁶⁴. Большинство австралийских государственных деятелей видели перспективы мирового сообщества как «позитивное движение к великим целям, провозглашенным в Атлантической Хартии». При этом особые надежды возлагались на англо-советский договор о взаимопомощи 1942 г., срок действия которого распространялся на 20 послевоенных лет, и на Декларацию четырех держав о мире и безопасности, принятую в Москве в 1943 г. и ставшую из первых шагов на пути создания ООН. «Австралийская политика безопасности и благосостояния является, таким образом, не изоляционистской или узко региональной, но тесно связанной с мировыми договоренностями», – заявлял в парламенте 8 сентября 1944 г. Г. Эватт⁶⁵. Как приложения к его выступлению были полностью опубликованы тексты основных международных соглашений того времени: от Атлантической Хартии 1941 г. до Тегеранской декларации 1943 г. Многие из этих документов, суть которых сводилась к предотвращению возможности новой войны и сохранению дружественных отношений, были подписаны и представителями высших эшелонов власти СССР. Правящие круги АС верили в силу этих подписей.

(продолжение в следующем выпуске)

---

¹ См., например: Бобров А. Внешняя политика Австралии. М., 1962, с. 91–93; Лебедев И.А. Внешняя политика Австралии, 1939–1975. М., 1975, гл.1–2; Мартынов А.И., Русакова О.К. Австралия в международных отношениях XX в. М., 1978, гл. 3–5.

² См, например: Australia. Parliamentary Debates (далее: PD). Canberra, 1940 –, vol. 163, p.433.

³ In Pursuit of National Interests: Australian Foreign Policy in 1990s. Sydney, Oxford, 1988, p.191–192.

⁴ Подробнее см.: Скоробогатых Н.С. Австралийские коммунисты и Коминтерн в 1930-х годах // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XIV (ЮВА 2009–2010). М., 2010.

⁵ См., например: XII Пленум ИККИ. Стенографический отчет. Т.1, М., 1933, с. 165, 168; Cain F. The Origins of Political Surveillance in Australia. London, Sydney, 1983, Ch.7.

⁶ Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т.2, с.369–370 (далее: ДВП СССР); Архив внешней политики СССР (далее: АВП СССР), ф.155, оп. 21, п. 31, д.1, л.63.

⁷ ДВП СССР, т.12, М.,1967, с. 692–693; т. 20, М., 1976, с. 303–304, 310–311.

⁸ Mr R.G. Menzies, Prime Minister, to Mr S.M. Bruce, High Commissioner in London. Cablegram 32 19 May 1939 // Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Historical Publications. Vol.2 (www.info.dfat.gov.au). Далее при цитировании данной публикации архивных документов будет указываться только номер тома и интернет-адрес.

⁹ Mr S.M. Bruce, High Commissioner in London, to Mr R.G. Menzies, Prime Minister. Cablegram 186 LONDON, 20 May 1939. SECRET AND PERSONAL FOR PRIME MINISTER. vol. 2 (www.info.dfat.gov.au).

¹⁰ Mr R.G. Menzies, Prime Minister, to Mr S.M. Bruce, High Commissioner in London. Letter (extract) CANBERRA, 11 September 1939. SECRET, vol.2. (www.info.dfat.gov.au).

¹¹ The Sydney Morning Herald, August 23, 1939, p.14; August 25, 1939, p. 9, 11; The Age, August 29, 1939, p.10.

¹² PD, vol. 163, p.206.

¹³ Mr S.M. Bruce, High Commissioner in London, to Mr R.G. Menzies, Prime Minister. Cablegram 476 (extract) LONDON, 18 September 1939, 8.16 p.m. MOST IMMEDIATE FOR PRIME MINISTER MOST SECRET; Mr R.G. Menzies, Prime Minister, to Mr S.M. Bruce, High Commissioner in London. Cablegram unnumbered 19 September 1939, SECRET, vol.2 (www.info.dfat.gov.au).

¹⁴ PD, vol. 163, p. 355, 543.

¹⁵ PD, vol. 163, p.8.

¹⁶ См., например: PD, vol. 163, p. 289, 380, 573, 997, 1036.

¹⁷ См.: Campbell E. The Rallying Point. My Story of the New Guard. Melbourne, 1965.

¹⁸ PD, vol. 163, p. 122–123.

¹⁹ PD, vol. 167, p. 520.

²⁰ PD, vol. 167, p. 285, 286.

²¹ PD, vol. 167, p. 910.

²² См. подробнее: Стрит Дж. В поисках правды. М., 1967, с. 150–155; 174–179.

²³ PD, vol. 167, p.117, 136.

²⁴ Sir Earle Page, Special Representative in the United Kingdom, to Mr John Curtin, Prime Minister. Cablegram P11 LONDON, 11 December 1941, 1.30 a.m. MOST IMMEDIATE CLEAR THE LINES FOR PRIME MINISTER MOST SECRET. Vol. 5 (www.info.dfat.gov.au).

²⁵ Mr John Curtin, Prime Minister, to Lord Cranborne, U.K. Secretary of State for Dominion Affairs. Cablegram 714 [1] CANBERRA, 4 November 1941. MOST SECRET IMMEDIATE. Vol. 5 (www.info.dfat.gov.au).

²⁶ Mr John Curtin, Prime Minister, to Lord Cranborne, U.K. Secretary of State for Dominion Affairs. Cablegram 819 CANBERRA, 22 December 1941 FOLLOWING FOR THE PRIME MINISTER. MOST SECRET AND PERSONAL. Vol. 5 (www.info.dfat.gov.au).

²⁷ Mr Winston Churchill, U.K. Prime Minister (in the United States), to Mr John Curtin, Prime Minister. Cablegram Winch 12 [WASHINGTON, 25 December 1941] [1]. PERSONAL MOST SECRET. Vol. 5 (www.info.dfat.gov.au).

²⁸ Sir Frederic Eggleston, Minister to China, to Sir Earle Page, Special Representative in the United Kingdom. Letter CHUNGKING, 7 March 1942. Vol.5 (www.info.dfat.gov.au).

²⁹ U.K. Dominions Office to Sir Ronald Cross, U.K. High Commissioner in Australia. Circular cablegram Z31 LONDON, 2 March 1942, 11 p.m. MOST SECRET. Vol. 5 (www.info.dfat.gov.au).

³⁰ War Cabinet Submission by Dr H. V. Evatt, Minister for External Affairs. Agendum 36711941 4 November 1941. SECRET. DELEGATION TO RUSSIA. Vol. 5 (www.info.dfat.gov.au).

³¹ Dr H. V. Evatt, Minister for External Affairs, to Mr A. T. Stirling, External Affairs Officer in London. Cablegram SL2 CANBERRA, 27 February 1942. MOST SECRET PERSONAL FROM MINISTER TO MR BRUCE [1] Vol.5 (www.info.dfat.gov.au).

³² Dr H. V. Evatt, Minister for External Affairs, to Mr John Curtin, Prime Minister. Cablegram E4 LONDON, 8 May 1942. MOST IMMEDIATE FOR PRIME MINISTER MOST SECRET. Vol. 5 (www.info.dfat.gov.au).

³³ PD, vol. 172, p. 81–82. Подробнее об этом см.: Севостьянов Г.И. Дипломатическая история войны на Тихом океане. М., 1969, с.59–60; Hasluck P. Diplomatic Witness. Melbourne, 1980, p.39–40.

³⁴ АВП СССР, ф.65, оп. 10-5, п.1а, д.1, л.3.

³⁵ Evatt to Bruce Cablegram SL55. CANBERRA, 1 September 1942. TO BE DECIPHERED BY OLDHAM MOST CONFIDENTIAL AND PERSONAL. Vol.6 (www.info.dfat.gov.au).

- ³⁶ Pool T.R. The Establishment of the First Diplomatic Mission in the USSR. Russian Connection. St Lucia. 1989.
- ³⁷ АВП СССР, ф.155, оп. 5, д.12, п. 20, л.115, 118; The Age, May 28, 1947.
- ³⁸ АВП СССР, ф.65, оп.2, д.18, п.7, л.72–73.
- ³⁹ АВП СССР, ф.155, оп.2, д.11, п.6, л. 82.
- ⁴⁰ Australia and the Pacific. Princeton, 1944, p. 68–69.
- ⁴¹ Evatt H.V. Foreign Policy of Australia. Speeches. Sydney, 1945, p. 21, 147.
- ⁴² АВП СССР, ф.65, оп.2, д.9, п.5, л.76–77; л. 52–53.
- ⁴³ АВП СССР, ф.65, оп.32, д.12, п.29, л.25–28.
- ⁴⁴ АВП СССР, ф.65, оп.43, д.11, п.42, л.96; ф.155, оп.4, д.12, п.14, л.264.
- ⁴⁵ Russia and Us. February, 1947, p.2; February, 1949, p.8.
- ⁴⁶ АВП СССР, ф.55, оп.2, д.6, п.5, л.101.
- ⁴⁷ АВП СССР, ф.65, оп.2, д.9, п.5, л.271.
- ⁴⁸ PD, vol. 182, p. 2165–2166.
- ⁴⁹ См.: Ball D., Horner D. Breaking the Codes. Australia's KGB network, 1944–1950. Sydney, 1998.
- ⁵⁰ Bruce to Curtin. Cablegram S76 LONDON, 28 April 1943, 5.30 p.m. MOST SECRET. Vol.6 (www.info.dfat.gov.au).
- ⁵¹ Bruce to Curtin. Cablegram S83 [1] LONDON, 6 May 1943, 12.22 a.m. MOST IMMEDIATE MOST SECRET FOR THE PRIME MINISTER PERSONAL HIMSELF. Vol.6. (www.info.dfat.gov.au).
- ⁵² Curtin to Evatt. Cablegram SW22 CANBERRA, 10 May 1943. MOST IMMEDIATE STRICTLY PERSONAL. Vol.6 (www.info.dfat.gov.au).
- ⁵³ Evatt to Curtin. Cablegram E86 WASHINGTON, 14 May 1943, 6.19 p.m. MOST SECRET FOR HODGSON FOR THE PRIME MINISTER. Vol. 6 (www.info.dfat.gov.au).
- ⁵⁴ Officer to Department of External Affairs. Cablegram 83 KUYBYSHEV, 11 May 1943, 5.15 p.m. IMPORTANT SECRET. Vol.6 (www.info.dfat.gov.au).
- ⁵⁵ Evatt to Hodgson. Cablegram E138 WASHINGTON, 5 June 1943, 10.10 p.m. SECRET. Vol.6 (www.info.dfat.gov.au).
- ⁵⁶ Curtin to Bruce. Cablegram 86 CANBERRA, 9 June 1943. STRICTLY PERSONAL. Vol.6 (www.info.dfat.gov.au).
- ⁵⁷ Evatt to Curtin. Cablegram E81 WASHINGTON, 13 May 1943, 1.23 a.m. MOST IMMEDIATE MOST SECRET PERSONAL. Vol.6 (www.info.dfat.gov.au).
- ⁵⁸ Bruce to Curtin. Cablegram S88 LONDON, 8 May 1943. MOST SECRET PERSONAL. Vol.6 (www.info.dfat.gov.au).
- ⁵⁹ Slater to Evatt. Dispatch KU4/43 KUYBYSHEV, 20 February 1943 SECRET. Vol.6 (www.info.dfat.gov.au).
- ⁶⁰ Evatt to Bruce. Cablegram 165 [1] CANBERRA, 26 August 1944. PERSONAL FOR BRUCE FROM EVATT. Vol.6 (www.info.dfat.gov.au).

⁶¹ Bruce to Evatt. Cablegram S25 LONDON, 31 August 1944, 7.20 p.m. PERSONAL FOR DR EVATT IMMEDIATE TOP SECRET. Vol.6 (www.info.dfat.gov.au).

⁶² Bruce to Churchill. Letter [LONDON], 13 January 1943. PERSONAL. ENCLOSURE [A].[LONDON], 5 January 1943. POST-WAR PROBLEMS. Vol.6 (www.info.dfat.gov.au).

⁶³ Bruce to Curtin. Cablegram 131[A] LONDON, 20 August 1943, 7.38 p.m. FOR THE PRIME MINISTER PERSONAL HIMSELF ONLY SECRET. Vol.6 (www.info.dfat.gov.au).

⁶⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947. Т.3, с. 528–529.

⁶⁵ PD, vol.179, p. 601, 610, 611.